

1

Вот сейчас я сижу и раздумываю: а что же дальше.

ЭССЕ О НАШЕЙ СЕМЬЕ

Когда о том, что пишешь, можно поручиться, что рассказал всё полностью и абсолютно объективно - не верьте! Человек всегда хочет выглядеть в глазах других лучше, чем он есть на самом деле.

Я буду писать правду, только правду и ничего кроме правды, но интимные стороны моей жизни могут быть попросту обойдены, ибо я считаю, что об этом знать и судить можем только мы двое - единая плоть - муж мой да я.

Начну с себя.

Мой отец, эстонец, был из семьи мелкого чиновника, как я помню из рассказов отца, почтальона. Звали его Отто, бабушку звали Марией. Вот и всё, что я знаю о них.

Точно знаю, что у него было 2 брата - Эвальд и Отто, умершие во младенчестве. Со слов отца знаю также, что он окончил 2 института, но какие и где, - не знаю

Знаю, что мой отец был убеждённым коммунистом и в 1922 году вместе с группой других эстонских коммунистов эмигрировал в СССР, по-видимому, в Ленинград.

К тому времени он уже был женат и имел дочь.

Примерно в 1930 году партийная работа забросила его далеко от Ленинграда - в Ростов-на-Дону, где он встретил мою мать, Силаеву Татьяну Владимировну, полюбил её и оставил семью, женившись на моей матери.

В 1932 г. родилась я. Но отец не забывал своей старшей дочери. Время от времени она приезжала гостить у нас. Звали её Эллен. Я не помню никаких трений между моей матерью и ею. Всё было хорошо и по-доброму. Впрочем, я была ещё слишком мала, чтобы очень глубоко понимать эти сложные семейные отношения.

Забыла сказать, что моего отца звали Иоганн Оттович Уттер, а родился он в гор. Таллине. Никого из эстонской родни отца я в жизни никогда не видела и не переписывалась ни с кем, никогда. Вероятно, это получилось из-за того, что я очень рано потеряла отца.

Рассказ мой очень часто будет рваным, поэтому я и зову его эссе.

Мой прадед, прабабка по матери были донскими казаками из станицы Усть-Лабинской (теперь это город). Прабабку звали Мария, и дожила она до 108 лет. Прадеда звали Михаил, но отчества я не знаю, а, может быть, в те поры простолюдины его и не имели.

Но прадед мой был не простой казак, - полный Георгиевский кавалер, что говорило о его незаурядной личной храбрости и приравнивало его к дворянскому сословию. Его дочери (а их было пятеро) могли обучаться в Институте благородных девиц, какими правами обладал его сын - я не знаю.

Дочерей звали: Лидия, Агнесса (моя бабушка), Мария, Елизавета, Екатерина. Сын - Александр умер еще до Революции. Лидия тоже умерла до моего рождения. Всех остальных я знала.

Бабушка моя окончила Институт благородных девиц и работала гувернанткой. Была она очень умной и доброй, верила в Бога не на словах, а всей своей жизнью. Всегда делала людям только добро, а для меня была добрым гением, что я познаю постепенно на протяжении всей своей жизни, и с каждым годом своей жизни ценю всё более и более.

В нашей жизни заключена такая несправедливость, что мы слишком поздно открываем, рядом с каким сокровищем житейской мудрости мы жили и так мало взяли из неё в силу нашего глупого щенячьего возраста.

Очень плохо я знаю жизнь своей бабушки. Расспрашивать её мне в голову не приходило, тем более, что когда мы расстались, мне было всего 10 лет, а о чём мы друг другу писали письма - я не помню - какая-то детская чепуха, должно

быть.

Бабушка моя стала незаконной женой князя Белинского и, видимо, не в самом юном возрасте, потому что две её дочери появились на свет в 31 и 35 лет. Бабушка родилась в 1877 году, числа и месяца я не знаю.

Моя мать, Татьяна, родилась 7 января 1912 года, а через два года умер от пневмонии их отец. Как прожила бабушка и как она прокормила и выучила двоих детей - я не знаю. Очень жаль, что не знаю: наверное, на эту тему можно было бы написать эпопею и назвать её «Хождение по мукам». Да простит мне это Алексей Николаевич Толстой.

Тётка моя, Елизавета была старше моей матери на 4 года, потому, когда я стала осознавать себя, она давно уже была замужем в другом далёком городе. И я не встречалась с нею до лета 1939 года.

Так как пишу я пока нечто вроде родословной, кратко скажу, что у неё было двое мальчиков - Илья 1931 года рождения и Леонид 1946 года.

У моей мамы было 4 дочери: я (на фото слева мне 4 годика), Лариса 1942 года рождения, Екатерина 1947 года и Елена 1954 года.

Моя мать, Татьяна, родилась 7 января 1912 года, а через два года умер от пневмонии их отец. Как прожила бабушка и как она прокормила и выучила двоих малолетних детей - я не знаю. Очень жаль, что не знаю: наверное, на эту тему можно было бы написать эпопею и назвать её «Хождение по мукам». Да простит мне это Алексей Николаевич Толстой.

Тётка моя, Елизавета была старше моей матери на 4 года, потому, когда я стала осознавать себя, она давно уже была замужем в другом далёком городе. И я не встречалась с нею до лета 1939 года.

Так как пишу я пока нечто вроде родословной, кратко скажу, что у неё было двое мальчиков - Илья 1931 года рождения и Леонид 1946 года.

У моей мамы было 4 дочери: я (на фото слева мне 4 годика), Лариса 1942 года рождения, Екатерина 1947 года и Елена 1954 года.

Кроме меня, все остальные дочери были от второго мужа моей матери - Ильи Николаевича Кошеварова - бывшего крестьянина Брянской области, а потом рабочего.

Биография моя, видимо, будет рассказываться попутно с остальным повествованием, поэтому перейду к родословной моего мужа - Адрианова Владилена Николаевича (фото справа).

Деда со стороны отца В. звали Василием, работал он машинистом, но на какой дороге - мне неизвестно, кажется в Минске. Жаль, но мы не знаем даже его отчества и имени матери. Знаем только, что Николай Васильевич, отец Владилена, был одним из двойняшек, а его маленький братик в трёхлетнем возрасте утонул.

Кроме Николая, в семье было три дочери: Екатерина, Мария и Лидия. Когда мы поженились, Лидии уже давно не было в живых, и мы знали только дочь Лидии - Наташу - двоюродную сестру В.

У Марии детей не было, а у Екатерины Васильевны был сын Анатолий, но мы никогда с ним не встречались. Кажется, была ещё дочь, но это неточно.

Николай Васильевич

окончил Юридический институт и в дальнейшем честно и успешно работал до конца жизни на этом поприще.

Деда В. со стороны матери звали Давид. У него было собственное фотоателье, по-видимому, в городе Гомеле. Если я ошиблась, - пусть меня поправят.

Бабушку звали Сарра Цаловна, но дома у В. её звали Софья Исаевна, - так её называл отец В.. Она родилась в 1877 году, то есть в том же году, что и моя бабушка. В их семье было четверо детей: Роман, Мария, Минуха - мать Владилена, которую ради благозвучия стали звать Анной, и Фрида. На снимке 1911 года - дед Владилена с детьми, кроме Фриды. Она ещё не родилась.

Интересно, но в наших семьях не один раз повторяются имена Мария, Екатерина, Лидия... и даже - Эдит.

Теперь пройду по истории жизни нашей семьи, сначала моей.

Дед мой - отец матери - умер от воспаления лёгких в 1914 году, когда моей матери было всего 2 года. Как прожила бабушка все эти годы, пока вырастила детей, остаётся лишь гадать, поскольку в те сопливые годы мои не приходило в голову расспрашивать об этом бабушку. Очень жаль...

✓ Бабушка была очень талантливым народным врачом, и при моей памяти очень успешно лечила такие страшные болезни, как астма, воспаление лёгких, экзема и другие... Конечно, за деньги, но очень небольшие, так как, несмотря на обширную клиентуру, жили мы очень бедно.

Фактически я воспитывалась у бабушки, очень мудрой женщины, потому что моя мама или наслаждалась жизнью, живя с моим отцом, или, после его гибели занималась поисками мужа. Видит Бог, что я её не осуждаю.

✓ Чем дальше, тем больше становится ясным, сколько хорошего я получила от бабушки. От матери я бы этого не получила никогда, хотя она была очень и очень неплохим человеком.

В 1939 году мама, опасаясь своего ареста (), отправила меня на лето к тёте Лизе. Если при этом иметь в виду, что её муж, Иван Иванович, был работником НКВД, то становится сей шаг по меньшей мере странным. Пусть простит меня её память, но ей, наверно, было не до меня. А бабушке просто надо было дать отдохнуть в её 62 года и хотя бы немного прийти в себя и подкормиться.

У тёти я жила под Рыбинском в посёлке Переборы близ Волги. Там я научилась плавать, хотя мой брат Илья однажды по глупости чуть не утопил меня. Об этом периоде у меня остались только самые хорошие воспоминания

* * *

Ну вот, недавно у меня ночью было не так-то уж хорошо с сердцем и прочими потрохами, и я поняла, что нужно писать, а, возможно, даже спешить. Годы - не шутка. Но что-то вдохновение не посещает меня.

Ладно, продолжу свою биографию вкупе со всем остальным.

* * *

В 1939 году мама устроилась в Москве, как она и мечтала. Жила сначала в общежитии в Лаврушенском переулке, куда и вызвала меня от бабушки. Бабушка посадила меня в поезд, попросила кого-то приглядеть за мной, и я приехала в Москву. И общежитие не очень понравилось мне. Мама определила меня тут же рядом в детсад, а сама работала управдома. Садик был маленький: всего одна комната, одна группа разновозрастных детей, Гулять тоже было негде, но я добром запомнила его на всю жизнь. Там нас научили рисовать, вырезать, делать из папье-маше разные поделки, раскрашивать их, шить простыми швами и даже примитивно вышивать. Там мы слушали патефон с народными песнями и с самыми модными тоже. Пользуясь тем, что я без запинки и «с выражением» умела читать, наши воспитательницы частенько просили меня читать остальным детям сказки, чтобы самим немного передохнуть. В те поры я очень гордилась этим. Наконец мама получила на Б.Полянке комнату. Там раньше жили бандиты. Их посадили, а маме дали это жильё. Комната была прекрасной. Вскоре я пошла в школу, тут же у нас во дворе. Меня не хотели принимать, т.к. до 8 лет мне не хватало 2 месяца, но из-за того, что я уже умела читать, писать и считать, всё же взяли.

Мою первую учительницу звали Мария Игнатьевна. Я её очень любила. Через месяц была построена новая школа №1 в Лаврушинском переулке и все мы перешли туда, а после войны там вместо общеобразовательной школы разместили школу художественно одарённых детей. Ну вот, теперь не знаю, писать ли подробно? Надо ли это? Надо подумать.

Сейчас в моей жизни наступил какой-то очень тяжёлый психологический кризис. Сильно убывли физические силы, до минимума уменьшилось общение с людьми вообще по разным причинам. Из-за материальных и других трудностей свелось до почти полного отсутствия общения с детьми и внуками. Пойти работать куда угодно я уже не смогу, жить без постоянного общения не могу тоже. Из-за болезней я потеряла интерес к прежним своим занятиям, кроме чтения. Но всё интересующее старое давно прочитано, новое, – увы, не «блещет», а стоит очень дорого. Долгими ночами, анализируя создавшееся положение, я пришла к выводу, что и любимого моего занятия растениями я тоже боюсь, из-за того, что так трудно и больно пройти эти 300 метров до сада, трудно смириться с воровством и с тем, что даже за приличные деньги трудно найти надёжного помощника, который делал бы всю чёрную работу.

Раньше я считала, что В. придется гораздо труднее в этом плане, но у него нашлось очень много спасительных занятий: это шахматы, компьютер, телевизор, видеоманитофон, чтение газет и ещё по мелочам.

Я же современные СМИ просто ненавижу, а сама преподносимая информация оставляет на моей душе ожоги 4 степени. В результате интерес не просто утрачен, а я просто не могу слышать сами звуки телевизора, видеть газеты, кроме нужной рекламы. Отказалась от выписки Крестьянки, так как многие материалы уязвляют мои моральные принципы. В результате я потеряла ВСЁ, чем живут нормальные люди. Я стала так одинока, что посещение базара для меня событие, а душевный разговор – это уже не знаю, что. Ко всему прочему я уже давным-давно разлюбила что бы то ни было писать. Глаза не дают возможности шить, вязать и вышивать, а В. занят на полную катушку своими делами.

Стала я играть в карты с компьютером. Но вечно это продолжаться не может. И мне вся эта фигня надоела.

Стала я конкретно думать, каким образом съездить в Пермь, но такой возможности не нашла. Теперь хоть беги за помощью к хорошему Психотерапевту

Так вот и думай, стоит ли писать и о чём.

Так вот, прожили мы с мамой в Москве около года. Она искала мужа, а я нагло отваживала всех её кавалеров, а среди них были достаточно высокопоставленные люди, так как считала, что мой отец жив и не позволяла никому занять его место. Наконец ей это надоело, и она отправила меня в начале 1941 года к бабушке в Ростов, а сама вышла замуж по любви за истопника в собственном домоуправлении и, бросив мечту своей жизни Москву, укатила в Кексгольм, на территорию, отхваченную у Финляндии в последней войне

В июне 1941 Бабушка погрузила меня на поезд Ростов-Ленинград и отправила к мамочке. Кто же думал, что через несколько дней начнётся война?

В Ленинграде мы оказались 19 июня. Заехали к первой жене моего отца Елене Юльевне. У моей сестры Элен, ставшей к тому времени красивой молодой женщиной, были уже и муж-юрист, и дочка Инночка трёх лет. Встретились мы хорошо, а, может, это только казалось... Обменялись адресами и разъехались навсегда.

Под Кексгольмом у нас был какой-то однокомнатный деревянный домик, который совершенно не сохранился в моей памяти. Да и прожили мы там всего до 29 июня, после чего были эвакуированы в 24 часа, а Илья Николаевич ушёл на фронт...

19.05-08

К сожалению, я не ставила даты начала написания своих опусов. И прошло уже года 4, как я не бралась за писание эссе.

Сейчас мне уже 75. Это достаточно много, и пора уже либо бросать, либо завершать свой труд.

Пока же продолжу свою биографию.

22 июня началась Великая Отечественная война. Я только-только приехала к матери. А 29 июня призвали в армию Илью Николаевича, а нас в 24 часа эвакуировали из Кексгольма. Уже тогда спускались на нашу территорию вражеские парашотисты – слишком близко от Ленинграда мы жили.

Посадили нас в теплушку и повезли подальше от Ленинграда. Куда – мы не знали. Надо было быстрее уйти от бомбёжек. Но не ушли: на станции Мга нас сильно бомбили, но я этого ужаса не помню. Наверное, к счастью.

Чем нас кормили – в памяти не сохранилось. Но вскоре мы узнали, что наш эшелон идёт в Ковров и пройдёт мимо Рыбинска. И мама решила повидать свою сестру, мою тётю Лизу.

Поезд наш стоял на каждой станции подолгу, на некоторых по суткам. И мама, взяв меня, отправилась к тете Лизе.

Тётка приняла нас хорошо, а потом, решив почему-то, что война скоро кончится (многие тогда, к сожалению, так думали), предложила оставить до конца войны меня у себя. А самой добираться как-нибудь до Ростова.

В это время у тетки жила и моя бабушка. Она её поддержала. И я осталась. А мама отправилась в Ростов. Она даже не знала, что уже была беременной Ларисой. И тем более в голову никому не пришло, что немцы дойдут до Ростова и возьмут его.

С маленькой Ларисой.

9 мая, День Победы, 2003

Вспомнилось.... Быть может, этому найдётся место в твоём ЭССЕ, это тоже относится к нашей семье...

Сухая жаркая осень 1941 года. К нам в эвакуацию приехал на несколько дней после госпиталя мой брат – Лёва....

Это - его песня:

Корабли стояли все на рейде,
Моряки собрались уезжать,
Чтобы матушку Одессу
Враг не смог у нас забрать...

На один эсминец все собрались,
Чтоб к Одессе выбросить десант,
На эсминце «К выходу» сыграли,
И эсминец покидает рейд...

С лучами всходящего солнца
Мы были в Одессе родной,
И там, покидая эсминец,
Мы сразу же бросились в бой.

Под натиском нашей лавины
Не смог устоять подлый враг,
И был он разбит моряками
Под нашей Одессой родной.

И сколько бы враг не пытался,
Одессы ему не видать!
Моряки защищают Одессу
И, значит, Одессы не взять!

Одессу немцы не взяли, её оставили по приказу, когда был исчерпан стратегический смысл обороны Одессы. Лёва после ранения сразу попал на защиту Севастополя. Об этом мы знаем из единственной его открытки - Мане (Марии Давыдовне). Где он погиб, мы не знаем. Может быть, на бастионах Учкеевки, где мы, спустя много лет, отдыхали?....

Песня? Да, не шедевр и для русской словесности интереса не представляет.

А как человеческий документ? Искренний документ памяти нашей семьи?!!!!

На единственной сохранившейся у нас фотографии Лёва с тёткой – Фридой. Снимок - вероятно, перед самой войной